
А. В. МАЙОРОВ

О Полоцкой летописи В. Н. Татищева

В «Истории Российской» В. Н. Татищева есть немало оригинальных известий, не встречающихся в других источниках. Это объясняется наличием в распоряжении историка середины XVIII в. ряда утраченных впоследствии древних русских летописей, среди которых видное место занимает так называемая Полоцкая летопись, полученная от архитектора П. М. Еропкина, известного в России собирателя книг.

Существование особого полоцкого летописания, подобного летописанию, ведущемуся в других землях Руси, хотя и не представленного сохранившимися произведениями, признается многими историками. К числу источников, известных только Татищеву, Полоцкую летопись относил В. С. Иконников.¹ О наличии этой летописи среди русских источников «Истории Российской» уверенно говорили А. И. Андреев и М. Н. Тихомиров.² С. Л. Пештич видел в Полоцкой летописи Еропкина, как и в Смоленской летописи Хрущева, подлинные документы, относя их к числу «западнорусских летописей», состав известий которых восстанавливается благодаря ссылкам на эти источники в примечаниях ко второй части «Истории Российской».³

Этот вывод подтвержден в работах В. А. Чемерицкого, известного специалиста по истории белорусского летописания: «Данные В. Татищева не дают основания сомневаться в том, что так называемая летопись Еропкина — реальный исторический сборник, которым непосредственно пользовался историк. Хотя выписки из этого летописного свода касаются главным образом событий второй половины XII—начала XIII в., однако он, наверное, вмешал также материалы по истории древней Руси как более раннего, так и более позднего времени».⁴ С Полоцкой летописью, а возможно, и иными не дошедшими до нас источниками связывается наличие в «Истории Российской» значительного числа оригинальных известий, относящихся к истории белорусских земель начиная с XI в.⁵

Некоторые татищевские сведения, относящиеся к истории Полоцкой земли и считавшиеся ранее недостоверными, в настоящее время получают новое подтверждение. В частности, новейшими археологическими исследованиями под-

¹ Иконников В. С. Опыт русской историографии. Киев, 1908. Т. 2, ч. 1. С. 519—520, 535—536; Киев, 1892. Ч. 2. С. 1415.

² Андреев А. И. Труды В. Н. Татищева по истории России // Татищев В. Н. Собр. соч.: В 8 т. М., 1994. Т. 1. С. 24, примеч. 95; Тихомиров М. Н. О русских источниках «Истории Российской» // Там же. С. 46.

³ Пештич С. Л. Русская историография XVIII века. Л., 1961. Ч. 1. С. 258.

⁴ Чамярыцкі В. Загадка Тацішчава // Архіви і справаводства. Мінск, 1999. № 2. С. 18.

⁵ Чамярыцкі В. А. Да пытання аб раннім летапісанні Беларусі (XII—XIII стст.) // Весці АН БССР. Серыя грамадскіх навук. 1965. № 3; Ермаловіч М. І. Тацішчайскія звесткі пра Беларусь // Помнікі гісторыі і культуры Беларусі. 1976. № 2.

тврждено приведенное только в «Истории Российской» сообщение об основании князем Борисом Всеславичем города Борисова в 1102 г.⁶ По мнению Г. В. Штыхова, сведения об этом событии могли быть почерпнуты Татищевым из недошедшей Полоцкой летописи.⁷

Существование Полоцкой летописи подтверждается исследованиями по истории русской библиографии. Установлено, что после ареста и казни владельца библиотека Еропкина поступила в Академию наук, а бывшие в ней старинные рукописи — в Коллегию иностранных дел⁸. Впоследствии какие-то его рукописи оказались в фондах библиотеки Коллегии.⁹ Среди них, как полагает С. П. Луппов, находился и «Полоцкий летописец», которым пользовался Татищев.¹⁰

В то же время существует немало скептических замечаний по поводу интересующего нас источника и источниковедческой работы Татищева вообще. В ряде исследований обосновывается вывод о том, что автор «Истории Российской» не только пояснял или амплифицировал текст летописей и других источников, но и «дополнял» их фактами, которых в источниках не было, но которые соответствовали его общественно-политическим взглядам.¹¹

Подобный вывод, в частности, недавно был сделан в работе, посвященной так называемому «конституционному проекту» Романа Мстиславича и некоторым другим выдержкам из Полоцкой летописи. Ее автор, А. П. Толочкин, утверждает, что «конституционный проект 1203 г. представляет собой политический памфлет, вышедший из круга единомышленников А. П. Волынского, очевидно, в 1739 г.»; этот проект «должен был стать своего рода предтечей и исторической санкцией „Генерального проекта“ самого Волынского».¹²

Правда, в другом месте А. П. Толочкин предлагает несколько иную версию происхождения проекта: он был рожден из собственных идей Татищева, «то тут, то там разбросанных по тексту „Истории“. Собственно, Роман предлагает исправить все то, что беспокоит Татищева в русской истории и что тот рассматривает как главные пороки государственного строя Руси».¹³ Так же, по мнению исследователя, Татищев поступает и с другими известиями, извлеченными из Полоцкой летописи. Тем самым последняя представляется не более чем фикцией, используемой для прикрытия прямых фальсификаций.

Подобным образом решают проблему и некоторые другие новейшие авторы, исследующие происхождение связываемых с Полоцкой летописью отрывков, в частности сообщения о борьбе русских князей за Берестье и Дрогичин в 1182 г. и так называемой «Повести о Святохне».¹⁴

⁶ Штыхаў Г. В. Барысаў у складзе Полацкай зямлі // Здевяць стагодзяў Барысава. Минск, 2002. С. 5. См. также: Штыхов Г. В. Города Полоцкой земли (IX—XIII вв.). Минск, 1978.

⁷ Штыхаў Г. В. Барысаў у складзе Полацкай зямлі. С. 6.

⁸ Икоиников В. С. Опыт русской историографии. Т. 1, ч. 2. С. 1082, 1083; Иаск У. Г. Частные библиотеки России: Опыт библиографического указателя // Русский библиофил. 1911. № 7. С. 83.

⁹ Белокурков С. А. О библиотеке московских государей в XVI ст. М., 1898. С. 88—89.

¹⁰ Луппов С. П. Книга в России в посполетровское время. 1725—1740. Л., 1976. С. 222, 225. См. также: Исторический очерк и обзор фондов Рукописного отдела Библиотеки Академии наук. М.; Л., 1956. Вып. 1. С. 183.

¹¹ Пештич С. Л. Русская историография XVIII века. Ч. 1. С. 248—250; Добрушкин Е. М. О методике изучения «татищевских известий» // Источниковедение отечественной истории: 1976. М., 1977. С. 79. См. также: Валк С. Н. «История Российской» В. Н. Татищева в советской историографии // Татищев В. Н. Собр. соч.: В 8 т. М., 1996. Т. 7—8. С. 5—29.

¹² Толочкин А. П. Конституционный проект Романа Мстиславича 1203 г. // Древнейшие государства Восточной Европы. 1995 г. М., 1997. С. 252.

¹³ Там же. С. 254.

¹⁴ См., например: Горовенко А. В. Татищевское известие о борьбе за Берестье в 1182 году // ВИ. 1995. № 8. С. 142—147; Заяц Ю. А. К вопросу о достоверности татищевского рассказа о Святохне // Гістарычна-археалагічны зборнік. Мінск, 2000. № 15. С. 106—115.

Таким образом, вопрос о Полоцкой летописи Татищева, несмотря на обилие высказанных по этому поводу мнений, далек от своего разрешения. Суждения исследователей столь же противоречивы, как и поверхностны, поскольку строятся лишь на отдельных случаях использования материалов этого источника, не учитывая в должной мере всех отразившихся в «Истории Российской» сообщений и не проводя их целостного анализа. Без этого, разумеется, невозможно представить полную картину состояния источника, как и проверить надежность сообщаемых им сведений.

* * *

Как указывал сам Татищев, с «летописцем» или «манускриптом» Еропкина было связано несколько различных по характеру известий, наиболее значительными из которых являются известия о полоцкой княгине Святохне, о борьбе за Берестье и Дрогичин в 1182 г., «конституционном проекте» Романа Мстиславича.

Объясняя их происхождение, как, например, отрывка о Святохне, историк отмечал: «Сие выписано из летописца Еропкина, которой, видно, что пополнен в Полоцке, ибо в нем много о полоцких, витебских и других литовских князех писано» (ИР. II-2. С. 261, примеч. 597; здесь и далее ссылки на сочинения В. Н. Татищева даются в тексте — см. список сокращений в конце статьи). К известию о борьбе за Берестье им сделан следующий комментарий: «Сие взято из летописца Еропкина, а в прочих пропущено, из чего видно, что на Волыни в сии времена гисториков не было или были, да нас не дошли; а паче мню, что списыватели оное и написанное для сокращения, за постороннее почитая, выменивали» (ИР. ПР. С. 451—452, примеч. 382).

Однако не всегда Татищев был полностью уверен в происхождении используемых им известий. Во второй редакции «Истории Российской» в примечании к рассказу о событиях на Западной Волыни вместо Еропкина он почему-то указал на другого своего сотрудника — А. Ф. Хрущева (также обладавшего крупнейшим в России первой половины XVIII в. книжным собранием), летопись назвал «манускриптом Хрущова», составленным «в области Полоцкой»: «Сие взято из манускрипта Хрущова, а в прочих пропущено. Из сего видно, что некто в области Полоцкой писатель Несторову летопись дополнял» (ИР. II-2. С. 251, примеч. 530). Впрочем, это чтение присутствует не во всех вариантах татищевского произведения. В Воронцовском списке, отразившем один из ранних этапов работы над текстом примечаний второй редакции второй части, вместо «манускрипта Хрущова» читаем уже знакомое «летописца Еропкина» (ИР. ВСП. С. 300—301, вар. 9—9).

Странная путаница с именами сотрудников тем не менее не дает оснований говорить о каком-то легкомысленном отношении Татищева к интересующему нас источнику. Как установлено исследователями, вопрос о достоверности источника не просто занимал автора «Истории Российской», но вообще являлся главным вопросом его источниковедческой работы.¹⁵ «Верность сказания, — писал историк, — за главное почесться может, оное же на многие степени разделяется». К первой «степени» он относил рассказы участников событий, затем сообщения современников или записи, сделанные с их слов. При этом иностранные сочинения заведомо уступают отечественным, ибо «о своем отечестве, если страстию самолюбия или самохвальства не побежден, всегда более способа

¹⁵ Клосс Б. М., Корецкий В. И. В. Н. Татищев и начало изучения русских летописей // Летописи и хроники. 1980 г. М., 1981. С. 12.

имеет правую написать, нежели иноземец», плохо владеющий языком и недостаточно знающий обычаи и законы страны (ИР. I. С. 83).

Верный этому правилу, историк подвергает проверке сведения, содержащиеся в «манускрипте» Еропкина, сопоставляя с известными ему сообщениями польских хронистов (Я. Длугоша, М. Кромера, М. Меховского, М. Бельского) о победах и завоеваниях Казимира Справедливого на Руси, в частности о том, что «Казимир у русских взял сии страны, Бресть Литовскую, которая было от Польши отступила, Дрогичин в Подляшии, Володимер и Перемышльскую страну, и в Берестии замок построил» (ИР. ПР. С. 452, примеч. 382; ИР. II-2. С. 251, примеч. 530).

Произведения польской средневековой историографии, уже опубликованные в Европе, были доступны и использовались русскими авторами первой половины XVIII в., оказав заметное влияние на становление отечественной историографии и исторической прозы. Особой популярностью помимо произведений уже названных авторов пользовалась Хроника М. Стрыйковского, также хорошо известная Татищеву.¹⁶

Но, в отличие от многих своих современников, автор «Истории Российской» имел возможность сличать данные польских хроник с показаниями мало известных тогда еще русских источников. Сравнение убедило историка в том, что по своей надежности показания Полоцкой летописи никак не уступают сведениям польских авторов. Последние он подвергает дополнительной проверке, сопоставляя с рассказом Винцентия Кадлубка, и, кроме того, обнаруживает в них серьезные внутренние противоречия.

Тем самым Татищев окончательно убеждается, что сообщения хронистов XV—XVI вв. есть «сущая ложь», поскольку «Кодлубок о том не упоминает», а из дальнейшего изложения «ниже покажется от них самих, сколько Роман владимирский и галицкий им страшен был» (ИР. ПР. С. 452, примеч. 382). К тому же указанные сообщения не соответствуют общему ходу исторических событий русско-польских отношений: «Брест, Владимир и Червонную Русь гораздо позже литовские князи, от русских завладев, Польше приобщили. А в сие время Роман галицкий там был силен, что поляки не смели на его пределы воевать» (ИР. II-2. С. 251, примеч. 530).

Следовательно, сообщение о походе поляков на Берестье и Дрогичин не могло быть связано с рассказами польских хроник, из них Татищев мог взять только дату похода — 1182 г. Кроме того, рассказы польских хроник чересчур политически тенденциозны и потому были неприемлемы для патриотически настроенного автора «Истории Российской». Польские известия скорее должны были заставить его обойти сюжет о Берестье стороной как «сущую ложь», если бы не наличие альтернативной версии заслуживающего доверия источника.

* * *

В работе над «Историей Российской» В. Н. Татищев использовал сведения, почерпнутые из летописи Еропкина, неоднократно. Однако точное количество ссылок на этот источник и, следовательно, степень его использования до сих пор не установлены. В литературе можно встретить на сей счет весьма противоречивые указания. С. Л. Пештич ограничивается лишь отдельными примерами использования Полоцкого летописца Еропкина, на который «в примечаниях

¹⁶ Рогов А. И. Стрыйковский и русская историография первой половины XVIII в. // Источники и историография славянского средневековья. М., 1967. С. 150—157; Мoiseева Г. Н. Русская историческая проза и польские историки // Польско-русские литературные связи. М., 1970. С. 86—90.

к „Истории“ сделано всего несколько ссылок, напр. 620, 589, 597».¹⁷ Но и в таком примерном перечне исследователь допускает неточность: в 620-м примечании второй редакции, как и в соответствующем ему 474-м примечании первой редакции второй части «Истории Российской», ссылок на летописец Еропкина нет (ИР. II-2. С. 266, примеч. 620; ИР. ПР. С. 465, примеч. 474).¹⁸

Г. В. Штыхов говорит о трех ссылках Татищева на летопись Еропкина (Полоцкую летопись).¹⁹ А. В. Горовенко зафиксировал пять таких ссылок в примечаниях к первой редакции, из которых во вторую редакцию перешли только две.²⁰ В. А. Чемеризкий насчитывает «около десяти» случаев упоминания Татищевым летописи Еропкина, ограничиваясь лишь указанием на некоторые из них (сообщения об убийстве Андрея Боголюбского в 1175 г. и казни его убийц в 1176 г., рассказ о борьбе за Берестье 1182 г., сведение о взятии в 1204 г. Константинополя крестоносцами и о событиях в Галиче 1213 г.).²¹

Наконец, по подсчетам А. П. Толочки, «в общей сложности Татищев приводит шесть сообщений из Еропкинской летописи в первой редакции, два из которых во второй редакции переадресованы Хрущеву. Это — выписка с обстоятельствами смерти Андрея Боголюбского, выписка с описанием последующей расправы Михалка с дружиной Андрея; одно известие галицкого происхождения, одно — полоцкого. Переадресованные — это проект Романа и сообщение о войне Василька с Владимиром Борисовичем».²² Однако при подобных подсчетах исследователем использована ошибочная методика, и поэтому результаты их не могут быть правильными. А. П. Толочки сосчитал лишь те ссылки к Еропкинскому летописи, которые имеются в примечаниях второй редакции (четыре), прибавил к ним случаи переадресовки от Еропкина к Хрущеву (два) и получил итоговое значение (шесть), полагая, что в таком составе выдержки из летописи Еропкина были представлены в первой редакции.

На самом деле картина использования Татищевым материалов, полученных от Еропкина, выглядит иначе. В примечаниях первой редакции второй части сделано семь ссылок на этого информатора, и, кроме того, состав их нельзя свести к сумме ссылок второй редакции, поскольку между ними нет полного соответствия. Приведем эти ссылки:

- 1) под 1175 г. в рассказе об убийстве Андрея Боголюбского (ИР. ПР. С. 449, примеч. 368);
- 2) под 1182 г. в изложенном выше рассказе о борьбе за Берестье и Дрогичин;
- 3) под 1203 г. в сообщении о так называемом «конституционном проекте» Романа Мстиславича (ИР. ПР. С. 457, примеч. 429);
- 4) под 1204 г. в рассказе о захвате Константинополя крестоносцами (ИР. ПР. С. 458, примеч. 433);
- 5) под 1213 г. в известии о посольстве галичан в Смоленск (ИР. ПР. С. 461, примеч. 450);
- 6) под 1216 г. в рассказе о «великом зле» в Полоцкой земле («Повесть о Святохне»);
- 7) под 1218 г. в сообщении о смерти великого князя Константина Всеялодовича (ИР. ПР. С. 462, примеч. 460).

¹⁷ Пештич С. Л. Русская историография XVIII века. Ч. I. С. 259.

¹⁸ Нет упоминания о Еропкине и в 620-м примечании издания 1774 г., которым пользовался С. Л. Пештич (ИР. 1774. С. 306).

¹⁹ Штыхов Г. Пісьменства, літаратура, фальклор // Гісторыя Беларусі: У 6-ці т. Т. I. Старая Беларусь / Рэдкал: М. Касцюк (гал. рэд.) і інш. Мінск, 2000. С. 308.

²⁰ Горовенко А. В. Татищевское известие... С. 146.

²¹ Чамярыцкі В. Загадка Тацішчава. С. 17.

²² Толочки А. П. Конституционный проект Романа Мстиславича... С. 260—261, примеч. 75.

Из названных ссылок в окончательном варианте примечаний второй редакции сохранились только три, относящиеся к следующим известиям:

- 1) об убийстве Андрея Боголюбского (ИР. II-2. С. 249, примеч. 512);
- 2) о галицком посольстве в Смоленск (ИР. II-2. С. 260, примеч. 589);
- 3) о полоцкой княгине Святохне, причем в новой редакции изменена датировка сообщения — вместо 1216 г. оно отнесено к 1217 г. (ИР. II-2. С. 261, примеч. 597).

К этим ссылкам добавилась еще одна новая:

- 4) под 1176 г. в рассказе о казни жены Андрея Боголюбского (ИР. II-2. С. 250, примеч. 520).

В двух других случаях (сообщения о захвате Константинополя и смерти Константина Всеволодовича) в окончательном (печатном) варианте текста примечаний второй редакции ссылки на Еропкина отсутствуют (ИР. II-2. С. 257, примеч. 573; С. 262, примеч. 600). Они имелись только в Воронцовском списке примечаний, занимающем промежуточное положение между первой и второй редакциями (ИР. ВСП. С. 304, вар. 80; С. 305, вар. 18), однако в ходе дальнейшей работы по каким-то причинам эти ссылки были опущены. Еще в двух ссылках (известиям под 1182 и 1203 гг.) имя Еропкина в новой редакции заменено на Хрущева (ИР. II-2. С. 251, примеч. 530; С. 257, примеч. 569).

Отмеченные изменения наглядно показывает следующая сводная таблица:

Год	Первая редакция		Вторая редакция	
	содержание известия	источник	содержание известия	источник
1175	Убийство Андрея Боголюбского	Еропкин	Убийство Андрея Боголюбского	Еропкин
1176			Казнь убийц Андрея Боголюбского	Еропкин
1182	Борьба за Берестье и Дрогичин	Еропкин	Борьба за Берестье и Дрогичин	Хрущев
1203	«Конституционный проект» Романа Мстиславича	Еропкин	«Конституционный проект» Романа Мстиславича	Хрущев
1204	Захват Константинополя крестоносцами	Еропкин	Захват Константинополя крестоносцами	не указан
1213	Посольство галичан в Смоленск	Еропкин	Посольство галичан в Смоленск	Еропкин
1216	Повесть о Святохне	Еропкин		
1217			Повесть о Святохне	Еропкин
1218	Смерть великого князя Константина Всеволодовича	Еропкин	Смерть великого князя Константина Всеволодовича	не указан

Наибольшее смущение у исследователей вызывает произведенная во второй редакции перестановка имен информаторов, предоставивших сведения о событиях 1182 г. и особенно о «конституционном проекте» 1203 г. А. П. Толочко увидел в ней стремление Татищева отвести от себя возможные подозрения, поскольку «два памфлета (проект Романа и история Святохны. — A. M.) от одного человека (Еропкина. — A. M.), действительно, было бы подозрительным». а всем этим, по мнению Толочко, скрывается еще более изощренный умысел: Татищев знал, что после казни мужа вдова Хрущева распродала „врознь“ его библиотеку (об этом он, как бы невзначай, напоминал Академии), и, таким об-

разом, мог надеяться, что это обстоятельство обезопасит его от возможных проверок».²³

На наш взгляд, подозрения должно было вызывать не количество «памфлетов», смущившее будто бы самого Татищева и заставившее пуститься на рискованные манипуляции с источниками, а скорее, наоборот, неоправданная замена источника должна была бросить тень на сообщаемые им сведения, как это и произошло в итоге. Что же касается хрущевской библиотеки, то она отнюдь не была распродана «врознь», как почему-то думает Толочко: книги из нее приобрела Академия наук (о чем, кстати сказать, хлопотал Татищев), а рукописи — два «Летописца» и трактат «О правлении гражданском» — поступили в Коллегию иностранных дел.²⁴ Таким образом, совершая подлог, Татищев не только не «обезопасил» бы себя «от возможных проверок», но неминуемо оказался бы под угрозой разоблачения.

Не выдерживают критики и построения А. В. Горовенко. Он характеризует произведенную Татищевым замену имен Еропкина и Хрущева как «подмену» и вдобавок к двум действительно имеющим место случаям «наблюдает» еще и третий, вымышенный им самим.²⁵ Тем самым у Татищева как бы обнаруживается тенденция намеренного запутывания своих читателей.

«Из пяти ссылок на Еропкина в примечаниях к первой редакции перешли во вторую только две», — продолжает свои источниковедческие «наблюдения» Горовенко и вновь ошибается: из первой во вторую редакцию, как мы видели, перешли четыре ссылки, и к ним добавилась еще одна. «В то же время, — читаем далее, — во второй редакции появились два примечания, в которых манускрипт Еропкина признается будто бы лишь вариантом Степенной книги». Но новая неточность: как «вариант Степенной книги» летопись Еропкина «признается» и в первой редакции (ИР. ПР. С. 449, примеч. 368). Резюмируя полученные таким образом «наблюдения», А. В. Горовенко делает пессимистический вывод: «Существующее в литературе представление о „Полоцкой летописи“ Татищева, к сожалению, <...> не имеет под собой надежной опоры».²⁶

Мы не можем согласиться с подобным утверждением. При решении проблемы Полоцкой летописи В. Н. Татищева следует учитывать, что не все имеющиеся в «Истории Российской» ссылки на Еропкина имеют отношение к этому источнику. Из приведенного выше перечня прежде всего необходимо исключить сообщение о «конституционном проекте» Романа Мстиславича. В авторских пояснениях четко указывается, что речь здесь идет не о собственно «летописце» («манускрипте») Еропкина, а о какой-то выписке из совершенно другого источника; эта выписка была сделана в Новгороде «из древнего летописца» и в таком виде попала к Татищеву (ИР. ПР. С. 457, примеч. 429). Следовательно, источником сведений о «конституционных» планах Романа была не Полоцкая летопись, а какой-то документ новгородского происхождения. Связь этого «древнего летописца» с Еропкиным не была очевидна для самого Татищева: в примечаниях второй редакции в качестве информатора по данному вопросу значится Хрущев (ИР. II-2. С. 257, примеч. 569).

Далее, не имеет отношения к Полоцкой летописи известие об убийстве Андрея Боголюбского, которое, как свидетельствует Татищев, было почерпнуто из принадлежащей Еропкину Степенной книги: «О убиении князя Андрея в Степенной тако <...> а в Степенной же Еропкина прибавлено...» (ИР. ПР. С. 249, примеч. 512; ИР. II-2. С. 449, примеч. 368). Ясно, что речь здесь идет об источни-

²³ Там же. С. 258.

²⁴ Луппов С. П. Книга в России в послепетровское время... С. 228—229; Белокуроев С. А. О библиотеке московских государей... С. 88—89.

²⁵ Горовенко А. В. Татищевское известие... С. 146.

²⁶ Там же.

ке совершенно иного рода. То же самое, видимо, следует сказать и о тематически близком известии о казни жены Боголюбского, виновницы убийства князя. О его источнике Татищев сообщает следующее: «О казни ея (жены Андрея Боголюбского. — А. М.) во многих пропущено, а в некоторых Степенных разно описано <...> Но я точно, из манускрипта Еропкина взяв, яко обстоятельнейшее, внес» (ИР. II-2. С. 250, примеч. 520). Употребление в данном контексте термина «манускрипт» никак не исключает возможности видеть здесь Степенную книгу, тем более что именно Степенные книги Татищев считает наиболее содержательным источником по рассматриваемому вопросу, что полностью соответствует действительности.

Таким образом, в распоряжении Татищева было несколько древних источников (копий или выписок из них), так или иначе связываемых с Еропкиным. О множественном характере дополнительных сообщений «из древних русских летописцов», получаемых в процессе работы от Еропкина и Хрущева, говорит он сам в главе «О списках или манускриптах, употребленных к сему собранию»: «Сверх сих от разных снискательных о истории русской людей, яко весьма о том прилежно трудившихся, но в несчастие впадших, Волынского, советника Хрущова и архитектора Еропкина, которые, читая мое собрание, из древних русских летописцов мне к дополнению сообщали, как в части второй в примечаниях показывано» (ИР. I. С. 125).

Если так, то с Полоцкой летописью Еропкина уверенно можно связывать только те известия, которые сам Татищев сопровождает соответствующими указаниями. Таких известий во второй части «Истории Российской» всего четыре, два из которых непосредственно касаются Полоцкой земли либо полоцких князей. Первое относится к 1182 г. и, как мы видели, сопровождается ссылкой на некоего «писателя» из «области Полоцкой». Второе помещено под 1217 г., это — уже известная нам «Повесть о Святохне». Третье и четвертое сообщают о захвате Константинополя крестоносцами в 1204 г. и о посольстве галичан к смоленскому князю Мстиславу Романовичу, датированном 1213 г.; оба они требуют отдельного рассмотрения, что будет предпринято нами ниже.

Что же представлял собой Полоцкий летописец Еропкина и каковы обстоятельства его появления и работы с ним Татищева? Как следует из дальнейших объяснений автора «Истории Российской», он имел возможность лишь беглого знакомства с летописцем, который только на короткое время оказался в его поле зрения и затем был уже недоступен: «...я не имел времени всего выписать, и потом его видеть не достал, слыша, что отдал списывать» (ИР. ПР. С. 462, примеч. 457; ИР. II-2. С. 261, примеч. 597).

Таким образом, в силу причин сугубо объективного свойства о Полоцкой летописи Татищев имел весьма отдаленные представления. Знакомство с источником было поверхностным и кратким, и поэтому использование его не могло носить систематического характера, а представляло собой отдельные и во многом случайные реминисценции, возникающие на фоне работы с другими, более основательно изученными источниками. Этим объясняются и редкие ссылки на Полоцкую летопись, и отсутствие ее более или менее обстоятельного палеографического описания.

* * *

Но чем объяснить колебания Татищева в отношении имен своих сотрудников, предоставивших возможность познакомиться с новым источником — Полоцкой летописью? Зачем понадобилось ему исправлять во второй редакции имя Еропкина на Хрущева?

С. Л. Пештич первым обратил внимание на это несоответствие, сопоставив печатный вариант второй части «Истории Российской» (издания 1774 г.) с рукописным — по Воронцовскому списку из собрания Ленинградского отделения Института истории АН СССР (ныне — Архив СПБИИ РАН). «Необходимо заметить, — пишет исследователь, — что ссылки Татищева несколько противоречивы. В примечании 530, говоря под 1182 годом о борьбе Василька Дрогицкого (Дорогачинского) с Володимиром Минским, Татищев писал: „Сие взято из манускрипта Хрущева“, а в рукописи примечаний это известие отнесено к летописцу Еропкина (ЛОИИ, Воронц. собр. № 643, л. 440 об.). Такое же несоответствие имеется в примечании 569 (рукопись — 429) (там же, л. 446) к известному месту „Истории“ под 1203 годом, где помещается предложение Романа об избрании великого князя. В рукописи вначале читалась фамилия Еропкина, как сообщившего эту выписку Татищеву, но затем Татищев собственоручно исправляет „Еропкин“ на „Хрущев“, что и читается в печатной „Истории“.²⁷

Сравнения С. Л. Пештича касаются разных вариантов текста примечаний второй редакции. Но такое же несоответствие, как мы уже видели, существует и между двумя основными редакциями. «Складывается впечатление, — пишет А. П. Толочко, — что Татищев использовал Еропкина и Хрущева взаимообразно, как удобных (ибо молчаливых и недостижимых) свидетелей в тех случаях, когда точно знал, что иного подтверждения достоверности своих известий найти не сможет».²⁸ Мы не можем согласиться со столь категоричным суждением, ибо у нас нет достаточных оснований подозревать Татищева в умышленной фальсификации. Думается, ближе к истине был С. Л. Пештич, предположивший, что «в момент использования материалов этих двух летописцев (Еропкина и Хрущева. — А. М.) Татищев о них не имел полного и ясного представления».²⁹

Данное предположение можно подкрепить следующими соображениями. Выше мы видели, что летопись Еропкина была известна Татищеву только по нескольким отрывкам и использование ее носило весьма ограниченный характер. К летописи Хрущева автор «Истории Российской» обращался значительно чаще.³⁰ Но, как и в случае с летописью Еропкина, ссылки на летопись Хрущева встречаются только в примечаниях первой и второй редакций, в примечаниях редакции 1739 г. таких ссылок еще не было. Значит, знакомство с летописями Еропкина и Хрущева произошло примерно в одно время и, нужно думать, при схожих обстоятельствах.

Проанализировав характер использования обоих источников в «Истории Российской», С. Л. Пештич заключает, что влияние летописи Хрущева так же ограничено, как и летописи Еропкина, поскольку Татищев имел возможность работать только с отдельными выписками из этого источника, не располагая полным текстом оригинала или хотя бы его копией. Кроме того, часть этих выписок в какой-то момент и вовсе была потеряна. «Не имея выписки, Татищев, конечно, по памяти вносит летописное известие в текст „Истории“ 2-й редакции».³¹

Как известно, работу над второй редакцией второй части В. Н. Татищев завершил только в 1750 г., т. е. с момента получения им сведений из летописей Еропкина и Хрущева прошло уже целое десятилетие. За истекшие годы он неоднократно менял местожительство, разъезжая по разным городам и губерниям, испытал падения и взлеты в карьере и должен был прервать свою научную рабо-

²⁷ Пештич С. Л. Русская историография XVIII века. Ч. I. С. 259—260.

²⁸ Толочко А. П. Конституционный проект Романа Мстиславича... С. 261.

²⁹ Пештич С. Л. Русская историография XVIII века. Ч. I. С. 260.

³⁰ Ссылки на этот источник сделаны в примечаниях № 96, 154, 195, 220, 522, 546, 569 и 644 ко второй части (второй редакции).

³¹ Пештич С. Л. Русская историография XVIII века. Ч. I. С. 259.

ту, занятый административными делами. Вполне возможно, что к моменту ее окончания Татищев уже не мог в точности идентифицировать часть материалов, полученных от своих бывших сотрудников, помогавших ему на начальном этапе.

Возможно, неуверенность и колебания Татищева были как-то связаны с тем, что, утеряв и, может быть, перепутав часть сделанных в 1739—1740 гг. выписок, историк был вынужден идентифицировать их, преимущественно исходя из содержания приведенных в них известий. Решить подобную задачу было весьма непросто. Летопись Еропкина Татищев определял как Полоцкую, т. е. происходящую из Полоцкой земли и сосредоточившуюся в основном на местных князьях и событиях, а летопись Хрущева считал местной летописью Смоленской земли (ИР. I. С. 122). Полоцкая и Смоленская земли — не только ближайшие соседи, имевшие уже в силу этого обстоятельства много общего в своей истории. В древности они представляли собой особую этнополитическую общность восточнославянского мира.³² Основу ее составляло этническое единство населения, происходящего от племенного союза кривичей, ставших ядром населения обеих земель в XI—XIII вв.³³ Эта общность, разумеется, не могла не найти отражения в местном летописании. Последнее было неразличимым и с точки зрения используемого языка, связанного, как полагают лингвисты, с особым смоленско-полоцким диалектом, восстановляемым по памятникам письменности XIII—XV вв.³⁴

Несомненно, что в ряде случаев смоленские и полоцкие летописи могли отражать одни и те же события и, так сказать, взаимно «перекрывать» друг друга, когда, к примеру, полоцкие летописи сообщали о событиях в Смоленской земле, и наоборот. Так, в Полоцкой летописи Еропкина имеются сведения о смоленском князе Мстиславе Романовиче, отразившиеся в обеих редакциях «Истории Российской» (ИР. ПР. С. 344; ИР. II-2. С. 189). А Смоленская летопись Хрущева сообщает подробности о полоцких князьях, в частности Рогволоде, Рогнеде и ее сыновьях, в некоторых случаях превосходящие сведения других источников, что следует из соответствующего замечания Татищева: «а здесь из манускрипта Хрущова видится приличнее» (ИР. II-1. С. 226, примеч. 154).

* * *

Дополнительные возможности проверки достоверности татищевских известий открываются посредством сопоставления текста второй редакции с первой, более приближенной к первоисточникам. Как писал в свое время А. А. Шахматов, «можно обосновать положение о том, что ничего изобретенного самим Татищевым не найдется в первой его редакции» и что «наличность в последней того или иного известия представляется ручательством в том, что Татищев нашел это известие в своих источниках».³⁵ Возможно, в этой характеристике и допуще-

³² Голубовский П. В. История Смоленской земли до начала XV ст. Киев, 1895. С. 260; Данилевич В. Е. Очерк истории Полоцкой земли до конца XIV ст. Киев, 1896. С. 54; Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М., 1951. С. 146.

³³ Седов В. В. Восточные славяне в VI—XIII вв. М., 1982. С. 158. Об этнокультурной общности основного населения Смоленской и Полоцкой земель XII—XIII вв., восходящей к смоленско-полоцким кривичам, см. также: Седов В. В. Древнерусская народность: Историко-археологическое исследование. М., 1999. С. 240—243.

³⁴ Соболевский А. И. Смоленско-полоцкий говор в XIII—XV вв. // РФВ. Варшава, 1886. Т. 15, № 1. С. 21. Из новейших работ см.: Николаев С. Л. К истории племенного диалекта кривичей // Советское славяноведение. 1990. № 4. С. 54—63.

³⁵ Шахматов А. А. К вопросу о критическом издании «Истории Российской» В. Н. Татищева // Дела и дни. Пг., 1920. Кн. 1. С. 94—95.

на некоторая переоценка, но намеченный А. А. Шахматовым критерий следует признать наиболее эффективным.

Проведем сопоставление текстов первой и второй редакций сообщения о борьбе за Берестье в 1182 г.:

Первая редакция

Того ж году Василько дрогицкий, не порядяся с Володимером минским, зобрав ляхов и мазовшан, шел к Берестю, где его Володимерко устретя на Буге с полочаны и дручаши, дал полк у Буга реки; но много потеряв люду, бежа к Минску. А Василько с ляхи, пришед, Берестъ взя и бояся сам седети ту, оставя ляхи со братом жены своей. А Володимерко, собрав люд, пришед. Берестъ взял и ляхов многих изби, а прочь на окуп пусти и иде на Василька. И дожед его на Нуре за Дрогичином, где с ним ляхов было и мазовшан много, и бися от утра до полудни. И начаша ляхи отыматися, и Василько бежа по тестеви, иж вскоре прииде с великим войском и Володимерка прогна. А Василько не име чим ляхом заплатити, иж Володимерко весь статок пограби и города его раззори, вдаде тестеви города своя по себе, иже дети не имел. И тако сольщен бысть Василько тестем своим; но Роман Василька и с тестем выгнал (ИР. ПР. С. 298).

Вторая редакция

Василько дрогичинский, сын Ярополков, поссоряся с Владимиром минским, призвав поляков и мазовшан в помочь, пошел к Брестю. И у реки Буга Владимирко, встретя его, учинили жестокую битву. Но Владимирко, потеряв много людей, ушел в Минск, а Василько, пришед с поляки, Брест взял. Обача бояся сам тут быть оставил в нем брата жены своей, князя мазовецкого, с поляки, сам возвратился в Дрогичин.

Владимирко Володаревич, собрав паки войско, взяв помочь от полоцких, пошел к Брестю. И пришел, по жестоких приступах чрез девять дней Брест взял и поляков многих побил, достальных на окуп и в размену за своих отпустил, потом пошел на Буг (в Подляшие) на Василька, который с немалым войском поляк и мазовшан стоял на реке Нуре за Дрогичином. Владимирко, наступя на него, бился от утра до полудня. И по жестокому сражении поляки, видя много своих побитых, стали отступать к лесу. Тем Владимирко, жесточае на Василька и мазовшан наступя, почтый всех на месце побил, и едава Василько с малыми людьми к тестю своему Лешку ушел. Которой тотчас, есче собрав войско, пошел на Владимирка и принудил его, оставя Подляшие, область Василькову, выйти к Бресту за реку Буг.

Василько, не имея чем полякам обесчанного заплатить, которого от него сильно требовали, пожитки бо его все Владимирко в Дрогичине и Нуре пограбил и города разорил, уступил тестю по себе все свое владение, понеже он детей не имел. И тако сольщен был Василько тестем своим, хотя детем своим великое владение присовокупить, но по смерти его поляки все у детей Лешковых отняли.

Роман Мстиславич владимирский, уведав о том, что Василько Подляшие тестю уступил, пошел с войском, Василька и с тестем из Подляшия выгнал и сам всем обладал (ИР. II-2. С. 127—128).

Как видим, объем сообщения, помещенного во второй редакции, значительно увеличен. Основа его сохранилась прежняя, без каких-либо заметных изменений, если не считать чисто стилистической правки и некоторого обновления лексики (замена архаических выражений на более современные: *не порядяся* — *поссоряся*, *полк* — *битва*, *статок* — *пожитки*, *вдаде* — *уступил*, а также удаление из текста некоторых архаизмов без адекватной замены: *отыматися*, *дошед* и проч.).

Отмеченное увеличение объема достигается главным образом посредством стилистического усовершенствования, наиболее характерным приемом которого при переводе с «древнего наречия» является амплификация. Так, вместо лаконичного «а прочь на окуп пусти» во второй редакции читаем более развернутый перевод: «достальных на окуп и в размену за своих отпустил». Другой пример: краткое «Василько не име чим ляхом заплатити» усиливается посредством введения в предложение дополнительных членов: «Василько, не имея чем полякам обесчанного заплатить, которого от него сильно требовали». Наконец, вместо предельно сжатой фразы «Роман Василька и с тестем выгнал», показавшейся Татищеву невыразительной, в новой редакции находим целый абзац, эффектно завершающий все повествование: «Роман Мстиславич владимир-

ский, уведав о том, что Василько Подляшие тестю уступил, пошед с войском, Василька и с тестем из Подляния выгнал и сам всем обладал».

Еще одним направлением переработки первоначального текста являются сделанные автором уточнения и разъяснения, необходимые для его правильно-го понимания. Они касаются прежде всего действующих лиц описываемых со-бытий. В первой редакции воевавшие друг с другом русские князья названы только по именам, что совершенно недостаточно для определения их места в княжеской генеалогии. Проведя соответствующие разыскания, Татищев уста-нивливает, чьими сыновьями они были, правда, делает это не без колебаний. В Воронцовском списке второй редакции вместо «Василько дрогичинский, сын Ярополков» читается зачеркнутое «сын Глебов» (ИР. ВС. С. 285, вар. 125).

Татищев попытался определить также и участников событий с польской сто-роны. В первой редакции они остаются безымянными, обозначаемые лишь как «брать жены» и «тестя» дрогичинского князя Василька. Во второй редакции пер-вый атрибутирован в качестве «князя мазовецкого», а второй даже назван по имени — Лешком. Однако здесь историка постигла явная неудача. Дело в том, что в описываемое время мазовецким князем как раз и был юный Лешек Боле-славич, сын Болеслава Курдявого.³⁶ Но он, разумеется, не мог выступать одно-временно в двух родственных отношениях к дрогичинскому князю Васильку — быть братом жены и тестем. Если шурином Василька Лешка теоретически мож-но представить, то быть его (или чьим бы то ни было) тестем он тогда никак не мог, так как был для этого слишком молод.³⁷

Наряду с отмеченными изменениями и дополнениями, вызванными лите-ратурной обработкой писателя и пояснениями историка, в тексте второй ре-дакции встречаем ряд прибавлений, содержащих новую оригинальную инфор-мацию, касающуюся существа описываемых событий, новые дополнительные сведения, которые не носят характера пояснения или уточнения и не сводятся к стилистическому и лексическому исправлению.

В приведенном отрывке таких прибавлений два. Одно — краткое, касаю-щееся взятия Берестья войсками Владимира Володаревича, произошедшего «по жестоких приступах через девять дней». Причем фраза «через девять дней» приписана собственной рукой Татищева в Воронцовском списке основного тек-ста «Истории» (ИР. ВС. С. 284, вар. 1—1), отражающем начальный этап работы над второй редакцией и представляющем собой преимущественно автограф Та-тищева.³⁸ Предшествующая фраза «по жестоких приступах» отсутствует в первом печатном издании (ИР. 1774. С. 284, вар. 8—8), но имеется в известных ныне рукописных списках.

Второе прибавление более пространное, содержащее описание битвы на ре-ке Нуре между Владимиром и Васильком, поддерживаемым своими польски-ми союзниками: «И по жестоком сражении поляки, видя много своих побитых, стали отступать к лесу. Тем Владимирко, жесточае на Василька и мазовшан на-ступя, почитай всех на месте побил, и едва Василько с малыми людьми к тестю своему Лешку ушел». Это прибавление имеется во всех списках второй редак-ции и в первом печатном издании «Истории Российской».

³⁶ Balzer O. Genealogia Piastów. Kraków, 1895. S. 188—190; Włodarski B. Sąsiedstwo polsko-ruskie w czasach Kazimierza Sprawiedliwego // Kwartalnik Historyczny. 1969. R. 76. Z. 1. S. 11; Caban W. Polityka północno-wschodnia Kazimierza Sprawiedliwego w latach 1177—1192 // Rocznik Białostocki. Warszawa, 1974. T. 12. S. 200.

³⁷ Лешек Болеславич родился ок. 1165 г. и к 1182 г. едва мог достичь 17—18 лет. См.: Mikołski J. Leszek Bolesławicz // Polski Słownik Biograficzny. Kraków, 1972. T. 17. S. 357.

³⁸ Валк С. Н. О рукописях второй редакции второй части «Истории Российской» В. Н. Тати-щева // Татищев В. Н. Собр. соч.: В 8 т. М., 1995. Т. 2—3. С. 12.

Едва ли Татищев в работе над первой редакцией мог пройти мимо подобных деталей, если такие содержались в тексте предполагаемого оригинального известия. Следовательно, источником их нужно признать либо его собственное авторское воображение, либо, не нарушая, так сказать, презумпции добросовестности историка, — какие-то новые данные, ранее неизвестные, появление которых и стало, возможно, причиной изменения текста соответствующего примечания, в том числе замены имени информатора.

Примечательно, что в другом подобном случае, когда имела место та же замена, в тексте второй редакции мы также наблюдаем помимо чисто стилистической правки и незначительных смысловых уточнений появление ряда изменений и оригинальных дополнений, существенно влияющих на содержательную сторону известия. Речь идет об изменениях и дополнениях, внесенных Татищевым в сообщение о «конституционном проекте» Романа Мстиславича во второй редакции «Истории Российской», в примечании к которому, как уже говорилось, имя Еропкина, значившееся в первой редакции, переправлено на Хрущева. Не вдаваясь в подробный анализ всего текста сообщения, укажем только несколько примеров названных дополнений.

В первой редакции Роман посыпает посольство к Всехододу Большое Гнездо во Владимир и сам Всеходод назван князем владимирским (ИР. ПР. С. 328), во второй же редакции посольство отправляется в Сузdal и Всеходод именуется сузальским князем (ИР. II-2. С. 169). Правда, точно такие же поправки встречаются у Татищева еще в нескольких случаях (см., например: ИР. ПР. С. 325 и ИР. II-2. С. 165; ИР. ПР. С. 328 и ИР. II-2. С. 168; ИР. ПР. С. 333 и ИР. II-2. С. 176; ИР. ПР. С. 340 и ИР. II-2. С. 183), и, следовательно, замену Владимира на Сузdal в качестве места пребывания князя Всеходода нельзя связывать исключительно с Романовым проектом.

Однако есть и другие примеры. В основной части сообщения о проекте, где излагаются собственно предложения Романа, во второй редакции существенно скорректирован один из наиболее важных пунктов — об общих правилах наследования княжеского стола.

Первая редакция

Нет ли кому сына, ото ж дати брату родному. Нет ли брата родного, ино дати старейшему его рода... (ИР. ПР. С. 329).

Вторая редакция

А буде у кого сына не останется, тогда отдать брату старейшему по линии или кто есть старейший по линии в роде его... (ИР. II-2. С. 170)

Если в первой редакции при отсутствии сына княжеский стол предлагается передать «брату родному» или старейшему в роде, т. е. принцип родового наследования сохраняет свое значение наряду с принципом семейного наследования, то во второй редакции не имеющий сыновей князь волен «отдать» стол не только старшему брату или другому старшему сородичу, но и тому, «кто есть старейший по линии в роде его». Дело здесь отнюдь не в том, что, как думает А. П. Толочкин, «от редакции к редакции Татищев снимает возможные двусмыслинности и недоразумения при трактовке, возможно, непонятных предложений Романа».³⁹ Татищев не редактирует, а существенно меняет смысл предложений. В вопросе наследования столов родовой принцип, декларируемый в первой редакции, во второй редакции существенно ограничивается и попросту заменяется семейным: власть может передаваться «по линии в роде», т. е. преимущество получают ближайшие родственники правителя, его прямые потомки.

Татищев не был полностью свободен в трактовке предложений Романа и не был волен приписывать ему свои собственные идеи. Об этом свидетельствует

³⁹ Толочкин А. П. Конституционный проект Романа Мстиславича... С. 248.

тищательность, с которой историк работал над текстом второй редакции «Романового проекта». В Воронцовском списке после слов «отдать брату старейшему по нем» значилось «или его сыну», впоследствии зачеркнутое (ИР. ВС. С. 287, вар. 456). Как бы ни оценивать эту правку, ясно одно: Татищев последовательно проводит идею династического наследования княжеской власти, устранив порождающие двусмысленность отступления.

Наконец, в завершении рассказа, во второй редакции появляется дополнительное известие, что, уходя из Киева, Роман оставляет там Игоря Ярославича (ИР. II-2. С. 170). Это известие вполне правдоподобно, тем более что Роман аналогичным образом поступает после первого захвата Киева в 1202 г.⁴⁰ Считать его выдумкой самого Татищева⁴¹ нет достаточных оснований.

Как видим, в обоих рассмотренных случаях, когда Татищев производит замену имени своего информатора, предоставившего новые исторические свидетельства, заслуживающие его доверия, такая замена стоит в связи с соответствующими изменениями в основном тексте приводимых известий, когда в них вводятся новые оригинальные дополнения или существенно изменяется прежнее содержание. Помимо основного текста изменения затрагивают и текст примечаний, причем они не сводятся лишь к замене имени информатора: текст примечаний в значительной мере переписывается заново (ср.: ИР. ПР. С. 451—452, примеч. 382 и ИР. II-2. С. 251, примеч. 530; ИР. ПР. С. 457, примеч. 429 и ИР. II-2. С. 257, примеч. 569).

В то же время в тех случаях, когда ссылки на Полоцкую летопись Еропкина остаются неизменными, не происходит существенных изменений и в основном тексте извлеченных из нее известий, а также в комментариях к ним, помещенных в примечаниях.

Сказанное прежде всего касается наиболее пространной выдержки из Полоцкой летописи — «Повести о Святохне». Объем этого сообщения во второй редакции также значительно увеличен (в 1,75 раза, согласно подсчетам Ю. А. Зайца). Однако сделанные многочисленные изменения и добавления не выходят за рамки обычной у Татищева практики амплификаций и обновления лексики, характерной для его переводческой техники. Сделанные же некоторые авторские ремарки, выглядящие как более содержательные, либо не несут новой информации (то, о чем в них говорится, как бы подразумевается или логически выводится из контекста), либо детализируют и развивают отдельные эпизоды первой редакции, представляются малосущественными, употребленными главным образом с целью усиления драматической напряженности повествования, т. е. как своеобразный художественно-литературный прием.⁴²

Заметим также, что возникшие в результате литературной переработки Повести дополнения нисколько не меняют ее основного содержания. Они, к примеру, касаются судьбы героев повествования — сыновей полоцкого князя, когда те оказались за пределами Полоцкой земли (следовательно, подобные дополнения могли быть взяты из других источников),⁴³ или носят назидательный ха-

⁴⁰ См.: Грушевський М. С. Нарис історії Київської землі від смерті Ярослава до кінця XIV ст. Київ, 1991. С. 267.

⁴¹ Котляр Н. Ф. Формирование территории и возникновение городов Галицко-Волынской Руси IX—XIII вв. Киев, 1985. С. 119; Толочко А. П. Конституционный проект Романа Мстиславича... С. 248.

⁴² Подробнее см.: Заяц Ю. А. К вопросу о достоверности... С. 111—112.

⁴³ В первой редакции сказано кратко: «Василько иде на Двину, а Вячко во Псков, иж убит посем в Неміех» (ИР. ПР. С. 353). Во второй редакции появляются дополнительные сведения о судьбе Вячко: «И Вячко, недолго с братом быв, поехал во Псков просить помосчи противо литвы, которая их область Двинскую обеспокоивала (и сей убит потом от немцов)» (ИР. II-2. С. 201).

тер как лишняя укоризна князю, опрометчиво удалившему от себя сыновей и не справляющемуся в одиночку с делами управления и обороны земли.⁴⁴

Что же касается основного содержания Повести, то во второй редакции оно даже подвергается некоторым сокращениям, исключившим из первоначально-го варианта ряд существенно значимых подробностей. Так, во второй редакции нет упоминания полоцкого тиуна по имени Жирный, которому было адресовано письмо князича Василька и который сыграл видную роль в подготовке свер-жения Святохны: «И той (Жирный. — А. М.), ношию созвав неколико добрых муж, яви има (послание Василька. — А. М.) и начат просити со слезами, иж бы попрямили князем своим» (ИР. ПР. С. 354).⁴⁵ Кроме того, из текста второй ре-дакции исключены сообщение о том, что схваченную на княжем дворе Святох-ну горожане «запроша в ыстопце» (ИР. ПР. С. 254),⁴⁶ и еще ряд отдельных де-талей.⁴⁷

Отсутствие новой оригинальной информации и даже некоторое сокращение содержательного состава прежнего сообщения показывает, что в работе над второй редакцией своего рассказа о Святохне Татищев не располагал никакими новыми материалами, касающимися развития основной сюжетной линии «По-вести о Святохне» Полоцкой летописи, и в этом отношении ему нечего было до-бавить к ее первоначальному варианту.

Такое же положение мы наблюдаем в случае редактирования известия под 1213 г., где речь идет о посольстве галичан, недовольных правлением венгерско-го королевича Коломана, к смоленскому князю Мстиславу Романовичу.

Первая редакция

Но добрии избравше два мужи, по-
спаша ко Мстиславу Романовичу в
Смоленск, зовяху его на Галич. Он же,
болезниу, отречеся а посла я к сыновцу
своему в Новгород просити (ИР. ПР.
С. 344).

Вторая редакция

Однако ж несколько доброхотных к отечеству и хра-
нящих твердо закон свой, согласясь, тайно выбрали дву
человек, послали в Смоленск ко Мстиславу Романовичу и
просили его на галицкое княжение. Но Мстислав Романо-
вич, будучи болен, послал тех присланых к братаничу
своему Мстиславу Мстиславичу в Новград, велел его про-
сить, обесчав ему в том помогать со всею возможностю
(ИР. II-2. С. 189).

В примечании к этому отрывку значится: «Сие из манускрипта Еропкина, но нечто проронено, ибо молвлено „Мстислав же“, а на стороне отмечено: „лист потерян“. В прочих же всего нет, но по Стрыковскому видно, что в его манус-крипте обстоятельно о сем было, как ниже явится» (ИР. ПР. С. 461, примеч. 450). Текст этого примечания дословно повторяется во второй редакции (ИР. II-2. С. 260, примеч. 589). Если речь в данном случае идет именно о Полоцкой лето-писи Еропкина, то к ней, надо полагать, относится только приведенная нами последняя часть татищевского известия. Едва ли Полоцкая летопись могла

⁴⁴ Возмущенные засилем поморян, полоцкие жители во второй редакции укоряют своего князя еще и за то, что «Литва многие пакости области Полоцкой набегами чинили, а без князя войском управлять не так способно, понеже воевод не всяк слушает, и принуждены были в помочь минских, друцких и витебских призывать» (ИР. II-2. С. 202). Тема литовских нападений и борьбы с ними никак не связана напрямую с содержанием «Повести о Святохне», но зато хорошо отражена в древне-руссских источниках начиная с конца XII в. и особенно в первые десятилетия XIII в. Литовская опасность была чрезвычайно актуальна для западнорусских земель, в том числе для Полоцкой, и могла быть отмечена Татищевым в рассказе о Святохне вне зависимости от содержания его первоисточ-ника.

⁴⁵ Во второй редакции вместо тиуна Жирного действуют некий «служитель» князича Василька, доставивший в Полоцк его письмо (ИР. II-2. С. 203).

⁴⁶ Во второй редакции это сообщение переведено с некоторой потерей смысла: Святохну «поса-дили под крепкую стражу в заточение» (ИР. II-2. С. 203).

⁴⁷ См.: За я ц Ю. А. К вопросу о достоверности... С. 112.

знать описанные у Татищева в той же статье подробности происходящего в самом Галиче, поэтому мы их здесь не рассматриваем, считая заимствованными из другого источника.

Из примечания видно, что рукопись Еропкина была неполной: текст ее сообщений мог обрываться на полуслове. Возможно, она являлась позднейшим списком, в котором чьей-то рукой были отмечены дефекты протографа. Концовка сообщения, где речь, вероятно, шла об ответных действиях Мстислава Мстиславича, в рукописи Еропкина отсутствует. Данный случай показывает, что в работе с источником Татищева интересовало не только содержание известий, но и его палеографические особенности, что, с одной стороны, повышает наше доверие к труду историка, а с другой — воспринимается как доказательство реального существования еропкинского «манускрипта».

Показательно, что в первой редакции основного текста имя Мстислава Мстиславича не значится, оно было установлено, очевидно, в процессе исследовательской работы, потребовавшей также уточнения родственной связи Романа и Мстислава, что выражалось в замене терминов «сыновец» на «брата-нич». В остальной второй редакции воспроизводит текст первой, употребляя, как обычно, более пространные, но тождественные по смыслу речевые обороты и вставляя пояснения, необходимые для лучшей связи с предыдущим изложением.

* * *

Итак, наши наблюдения показывают, что вызывающая наибольшие подозрения современных исследователей замена имен информаторов, предоставлявших новые источники, производится Татищевым в тех случаях, когда он вносит существенные корректизы в основной текст соответствующих известий. В тех же случаях, когда этого не происходит, остается без изменений и вспомогательный аппарат историка.

Замена имени Еропкина на Хрущева, дважды произведенная во второй редакции примечаний ко второй части «Истории Российской», как нам кажется, должна находиться в связи с тем состоянием, в котором предоставленные данными лицами источники были доступны Татищеву. Целостное представление о Смоленской летописи Хрущева, как и Полоцкой летописи Еропкина, историк мог лишь воссоздавать по памяти спустя многие годы после того, как видел их собственными глазами. В процессе основной работы Татищева эти источники были представлены случайными отрывками в виде отдельных выписок, часть из которых к тому же была потеряна, а затем вновь найдена. Это значит, что на различных этапах работы автор имел дело с разным количеством выписок: их первоначальный состав сперва сократился, а затем увеличился.

Можно предположить, что на определенном этапе работы над второй редакцией в распоряжении Татищева оказались некоторые новые материалы из уже известного ему источника — Смоленской летописи, а также, возможно, не связанные с этой летописью другие рукописи Хрущева. Основанием для такого предположения является собственное признание Татищева. Говоря под 1237 г. о борьбе Литвы с немцами, Татищев дает интересное для нас указание: «В манускрипте Хрущева сия битва с великой хитростью Литвы простиранно описана, но у меня в то время выписка утратилась, а вписано из Хрущева согласуя с другими» (ИР. II-2. С. 270, примеч. 644).

Эта запись читается уже в Воронцовском списке примечаний второй редакции (ИР. ВСП. С. 307, вар. 9—9). Данный список, впервые введенный в научный оборот С. Л. Пештичем, «имеет большое значение для определения достоверности известий, встречаемых только у Татищева, и особенно для проверок ссылок

на источники».⁴⁸ Для целей нашей работы важно заметить, что в Воронцовском списке последний раз фигурировало имя Еропкина в примечании к сообщению о борьбе за Берестье в 1182 г. (ИР. ВСП. С. 300—301, вар. 9—9) и в примечании к «Романовому проекту» 1203 г., причем в последнем случае рукой Татищева имя «Еропкин» уже переправлено на «Хрущев» (ИР. ВСП. С. 304, вар. 65).

Эти правки учтены в печатном издании 1774 г. и, вероятно, имелись уже в его рукописном протографе и списках, занимающих промежуточное положение (Миллеровском 1-м и Эрмитажном), полностью не сохранившихся. Следовательно, все отмеченные исправления производились в одно и то же время на раннем этапе подготовки текста второй редакции.

Вызывает сомнения предложенная А. П. Толочко дата переадресовки еропкинских известий Хрущеву: «Замена Еропкина Хрущевым состоялась после 1746 г. (завершение Академического списка, где еще стоит Еропкин), но до 1748 г., когда была завершена гл. 7 первой части (и где присутствуют имена обоих)».⁴⁹ Академический список, отразивший первую редакцию второй части «Истории Российской», действительно указывает только на Еропкина как единственного информатора, предоставившего сведения о Романе Мстиславиче и Святохне, и, следовательно, замена должна была произойти позднее. Однако что касается седьмой главы первой части, то здесь имеет место явное недоразумение.

В этой главе Татищев дает не более как общую характеристику использованных им источников и под № 12 отмечает дополнительные сведения «из древних русских летописцов», предоставленные Волынским, Хрущевым и Еропкиным, «как в части второй в примечаниях показывано». Совершенно очевидно, что автор имеет в виду отнюдь не только те примечания, где произведена замена Еропкина на Хрущева, но и все примечания ко второй части, где фигурировали упомянутые имена, причем не только Еропкина и Хрущева, но также и Волынского. Мы не говорим уже о многочисленных ссылках на Смоленскую летопись Хрущева (отдельно упомянутую в шестой главе первой части, посвященной «летеописателям», «последовавшим Нестору»), которую Татищев также, разумеется, имел в виду в числе своих дополнительных источников.⁵⁰

Нам представляется, что время замены Еропкина на Хрущева в примечаниях № 530 и 569 (по окончательной нумерации) следует определять по иным признакам. Нужно учитывать два обстоятельства.

Во-первых, Воронцовский список примечаний, по сути дела являясь копией Академического списка первой редакции с внесенными в него последующими изменениями и дополнениями, отражает ранний этап работы над второй редакцией примечаний и служит основой для последующей переработки.⁵¹ По мне-

⁴⁸ Пештич С. Л. Русская историография XVIII века. Ч. I. С. 268.

⁴⁹ Толочко А. П. Конституционный проект Романа Мстиславича... С. 259.

⁵⁰ А. П. Толочко ставит под сомнение существование и Смоленской летописи Хрущева на том основании, что ее известия «либо уникальны, либо совпадают лишь с сообщениями не менее загадочного Раскольнического летописца», или что в ней «содержались известия, идентичные информации польских хронистов» (Там же. С. 259—260). Но такие доводы едва ли достигают цели, особенно если автор хотел разоблачить очередную фальсификацию Татищева: похожие известия можно встретить в источниках, совершенно разных по происхождению. Впрочем, вопреки собственным сомнениям, Толочко все же допускает возможность существования Смоленской летописи Хрущева. Ниже он пишет: «...хрущевская летопись стала недоступной Татищеву еще во время работы над первой редакцией» (Там же. С. 260). Но как же быть при этом с многочисленными ссылками на хрущевскую летопись именно в первой редакции, а также тем фактом, что Татищев «продолжает использовать ее и много лет позже, при работе над второй редакцией» (Там же)? На наш взгляд, самое большое, о чем можно говорить в данном случае, — это об утере Татищевым некоторой части сведенных при содействии Хрущева выписок, впоследствии вновь обнаруженных.

⁵¹ Валк С. Н. О рукописях второй редакции второй части... С. 10, 18.

нию С. Л. Пештича, «последующая переработка текста „Истории“ — образование 2-ой редакции — заставила отказаться от мысли приобщить эту рукопись к основному тексту 1-ой редакции и понудила Татищева сделать ее черновым экземпляром для переработки примечаний ко 2-ой редакции». Представляет интерес следующее наблюдение ученого: «Судя по последнему двухкратному исправлению нумерации примечаний, текст их перерабатывался дважды». Причем последняя переработка с соответствующим изменением нумерации примечаний была произведена «не ранее 1748 г., так как на листах 392 и 400 есть приписки рукой Татищева о сказании епископа Иоакима».⁵²

Во-вторых, основная работа над второй редакцией второй части «Истории Российской» была начата Татищевым только в 1749 г. Правда, к переработке второй части с древнего на «настоящее» наречие историк приступил еще до завершения ее в 1746 г. на древнем наречии, поручив перевод сперва какому-то монаху. Из этого, однако, ничего не вышло, и Татищеву спустя несколько лет пришлось брать дело в свои руки. Судя по сохранившимся его письмам к И. Д. Шумахеру, весной 1749 г. была завершена работа над первой частью, после чего историк приступил ко второй. Работа над второй редакцией второй части заняла год с небольшим, и 30 июня 1750 г., за две недели до своей смерти, Татищев сообщал о начале переписки набело оконченной им рукописи.⁵³

Следовательно, второе открытие им части хрущевских известий, заставившее вносить изменения в уже готовый текст, должно было произойти, очевидно, не ранее того же 1749 г. Замена Еропкина на Хрущева в примечании к «Романовому проекту» находится в непосредственной связи с записью об обретении утраченных прежде выпуск Хрущева, поскольку обе правки (одна в виде исправления, другая в виде приписки) внесены собственной рукой Татищева в одном и том же списке.

Принято считать, что примечания к основному тексту «Истории Российской» являются относительно независимой частью труда Татищева. По мнению С. Н. Валка, «они не зависели ни от наречия, на котором составил свою „Историю“ Татищев, ни в значительной мере от той переработки, которой он подверг текст „Истории“ в новой ее редакции. Их переработка была обусловлена всецело получением новых источников или пересмотром Татищевым своих прежних убеждений».⁵⁴ Известия о борьбе за Берестье и предложениях Романа являются как раз тем случаем, когда появление новых данных, учитываемых в основном тексте произведения, ведет к внесению соответствующих изменений в текст примечаний. Причем происходит все это одновременно, на одном и том же начальном этапе работы над второй редакцией. Изменения в Воронцовском списке примечаний коррелируют с добавлениями, впервые появившимися в Воронцовском списке основного текста, а оба эти списка, как уже говорилось, являются наиболее ранними рукописями второй редакции второй части.

Исправление Еропкина на Хрущева в примечании № 530 (по окончательной нумерации) произошло позднее, на этапе дальнейшей доработки. Вероятнее всего, эта замена должна была последовать непосредственно за первой заменой, произведенной в Воронцовском списке примечаний, если, разумеется, она связана с соответствующими добавлениями, произведенными в Воронцовском списке основного текста.⁵⁵ Помимо замены имени информатора изменения коснулись всего текста примечания:

⁵² Пештич С. Л. Русская историография XVIII века. Ч. 1. С. 267—268.

⁵³ Андреев А. И. Переписка В. Н. Татищева за 1746—1750 гг. // ИА. М.; Л., 1951. Т. 6. С. 297; Валк С. Н. О рукописях второй редакции второй части... С. 8.

⁵⁴ Валк С. Н. О рукописях второй редакции второй части... С. 12.

⁵⁵ Как известует из восстанавливаемой С. Н. Валком схемы соотношения списков примечаний второй редакции второй части, к Воронцовскому списку непосредственно восходит предполагае-

Первая редакция

Сие взято из летописца Еропкина, а в прочих пропущено, из чего видно, что на Волыни в сии времяна гисториков не было или были, да нас не дошли; а паче мню, что списыватели оное и написанное для сокращения, за постороннее почитая, выметали. В польских же хотя что находится, но невероятно... (ИР. ПР. С. 451—452, примеч. 382).

Вторая редакция

Сие взято из манускрипта Хрущова, а в прочих пропущено. Из сего видно, что некто в области Полоцкой писатель Несторову летопись дополнял. В польских же нечто подобное, но невероятное находится... (ИР. II-2. С. 251, примеч. 530).

Как видим, новая редакция вступает в противоречие не только с соответствующим примечанием первой редакции второй части, но и с источниковедческими характеристиками, приведенными в первой части и имеющими основополагающее значение для всего произведения. Мы имеем в виду указания шестой главы о том, что летопись Еропкина была написана в Полоцке, а Хрущева — в Смоленске.

А. П. Толочко делает по этому поводу далеко идущие выводы: «Татищев изменяет не только имя владельца летописи, но и его (вероятно, ее, если речь идет о летописи. — А. М.) происхождение: если в первом случае известия Хрущевского (Еропкинского) манускрипта были волынского происхождения (ибо должны были иметь связь с Васильком Дрогичинским), то во второй редакции — полоцкое (вероятно, полоцкого, если имеется в виду происхождение известий. — А. М.), ибо Татищевым изменено место действия».⁵⁶ Подобное высказывание не только искажает смысл татищевских правок, но и страдает внутренней логической несогласованностью.

Как мы легко можем убедиться, ни в первой, ни во второй редакциях Татищев не дает ни малейшего повода угадывать волынское происхождение в «известиях Хрущевского (Еропкинского) манускрипта». Более того, в первой редакции историк делает заявление прямо противоположное тому, что преподносит Толочко: «...на Волыни в сии времяна гисториков не было или были, да нас не дошли...», и по этой самой причине известия о Васильке Дрогичинском были взяты из другого источника — полоцкого, как раскрывается во второй редакции. У Татищева, как видим, есть логика, чего нельзя сказать о построениях Толочко. Что, например, значит его фраза «ибо Татищевым изменено место действия», и какое значение она имеет в системе предложенных доказательств? Места действия описываемых событий Татищев не меняет: они и в первой и во второй редакциях происходят на Западной Волыни. Быть может, речь идет о «месте действия» летописца, т. е. месте, где были составлены изучаемые известия? Но изменение этого «места» — не более чем догадка самого Толочко. Исследователь оставляет своих читателей в полном недоумении.

Нам представляется, что противоречия, допущенные Татищевым в тексте 530-го примечания, должны иметь другое объяснение. В нашем понимании указанный текст несет на себе следы не одной, а сразу двух правок, произведенных с некоторым временным интервалом. Первая правка привела его в соответствие с положениями шестой главы первой части, где говорилось о полоцком происхождении летописи Еропкина. Так возникла запись о «писателе» из «области Полоцкой» («Из сего видно, что некто в области Полоцкой писатель Несторову летопись дополнял»), отсутствующая в первой редакции. Следовательно, эта правка могла быть внесена не ранее того времени, когда была завершена работа над соответствующим текстом первой части.

мый протограф Миллеровского 1-го списка, ставший в свою очередь основой для последующих списков, сохранившихся в виде отдельных фрагментов (В а л к С. Н. О рукописях второй редакции второй части... С. 19).

⁵⁶ Толочко А. П. Конституционный проект Романа Мстиславича... С. 260.

Однако впоследствии, когда Татищев обнаружил во вновь найденных им выписках из «манускрипта Хрущева» известие о борьбе за Берестье в 1182 г., содержащее к тому же некоторые новые подробности, он поспешил произвести новую правку, приведшую к замене Еропкина на Хрущева. Тот факт, что данная правка вступает в противоречие с предшествующими утверждениями Татищева, показывает, что она была произведена позднее, во всяком случае после того, как была завершена работа над первой частью «Истории Российской», т. е. не ранее 1749 г.

Кроме того, нельзя не заметить, что эта новая правка была произведена как-то вспыхах, так что автор даже не учел возникающих в связи с ней противоречий. Похоже, у Татищева уже не оставалось для этого времени. Чувствуя, что силы его на исходе, историк торопился поскорее закончить свой труд. Вторую редакцию второй части он успел выполнить лишь вчерне, завершить работу в полном объеме ему помешала смерть. Можно предположить, что замена Еропкина на Хрущева в 530-м примечании — одна из последних правок Татищева, относящаяся к последним дням его работы над «Историей Российской».

Как бы то ни было, можно констатировать, что Татищев знал, точнее, имел основания предполагать существование древних летописей, происходивших из Смоленской и Полоцкой земель. Однако историк не был уверен, какие именно из имеющихся у него выписок к какому из этих источников относились, более связывая их с именами Еропкина и Хрущева — владельцев предполагаемых летописей. Принадлежность последних к Полоцкой и Смоленской землям Татищев определял, исключительно исходя из содержания помещенных в них известий. Но эти известия могли в какой-то мере, вероятно значительной, перекликаться и даже совпадать между собой ввиду близости исторических судеб и политических интересов Смоленска и Полоцка, общих языковых и литературных традиций. При таких обстоятельствах различить смоленские и полоцкие известия не всегда было возможно, ведь оригиналов летописей у Татищева не было.

* * *

В заключение остается дать общую характеристику объема и содержания известий, относящихся к Полоцкой летописи. Этот вопрос также является одним из главных пунктов дискуссии о подлинности источника и достоверности почерпнутых из него сведений. А. П. Толочко пишет: «Татищев явно колебался не только в атрибуции тех или иных известий между рукописями Еропкина и Хрущева, но и в самом определении объема и характера этих летописей. Так, раз он называет Еропкинскую рукопись „степенною“, иногда — „летописцем“ (хотя везде различает степенные книги и собственно летописи)...».⁵⁷ «Реальное содержание» летописца Еропкина «никак не подтверждает его аттестации Татищевым как именно „полоцкой летописи“ (впрочем, как и волынской)», поскольку в ее составе встречаются «выписка с обстоятельствами смерти Андрея Боголюбского, выписка с описанием последующей расправы Михалка с дружиной Андрея; одно известие галицкого происхождения, одно — полоцкого...».⁵⁸

С подобными выводами трудно согласиться. Противоречия и несоответствия, о которых говорит Толочко, легко устраняются при более взвешенном подходе к источниковедческим опытам Татищева, условием которого является отказ от чрезмерного разоблачительного пафоса, более осторожное и внимательное отношение к предмету.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ Там же. С. 260—261, примеч. 75.

Говоря о написанной в Полоцке и предоставленной Еропкиным летописи, историк имеет в виду только эту, Полоцкую (как ее принято называть), летопись, считая таковую одним из важнейших своих источников. Но нигде (ни в посвященных характеристиках источников главах первой части, ни в источниковедческих примечаниях ко второй части) он ни словом не обмолвился, что Еропкиным был предоставлен только один источник. Напротив, Татищев совершенно определенно указывает, что таких источников было несколько: это также Степенная книга Еропкина (упоминающаяся как в первой, так и во второй редакциях второй части) и, кроме того, выписка из какого-то новгородского летописца, содержащая «конституционный проект» Романа Мстиславича (во второй редакции переадресованная Хрущеву).

К Полоцкой летописи относятся четыре известия, встречающиеся во второй редакции второй части «Истории Российской»: рассказ о борьбе за Берестье в 1182 г., о завоевании Константинополя крестоносцами в 1204 г., краткое сообщение о посольстве галичан, недовольных правлением венгерского королевича, к смоленскому князю Мстиславу Романовичу (1213 г.) и помещенная под 1217 г. «Повесть о Святохне».

В первом и четвертом случаях сам Татищев говорит о полоцком происхождении известий. Приадлежность к Полоцкой летописи известия 1213 г. не столь очевидна. Вместе с тем нет оснований относить его к числу галицких известий. Речь здесь идет о прибывшем в Смоленск посольстве галичан, зовущих на галицкий стол смоленского князя Мстислава Романовича, который подобное предложение отклонил и отправил послов в Новгород к своему племяннику Мстиславу Мстиславичу, предлагая ему вступить в борьбу за Галич и обещая в этом всяческое содействие со своей стороны. Данное сообщение хотя и примыкает к рассказу о галицких делах, связанных с правлением венгерского королевича Коломана, но по своему содержанию может быть отнесено скорее к смоленским известиям. Учитывая тот факт, что Татищев в обеих редакциях «Истории Российской» уверенно связывает его с летописью Еропкина, а также имея в виду известную близость смоленского и полоцкого летописания, мы считаем возможным отнести указанное сообщение к Полоцкой летописи.

В составе Полоцкой летописи Еропкина содержалось и пространное известие о захвате Константинополя крестоносцами в 1204 г. В примечаниях к первой редакции отмечено: «Сия повесть выписана из манускрипта Еропкина» (ИР. ПР. С. 458, примеч. 433). Эта запись читается и в Воронцовском списке примечаний второй редакции (ИР. ВСП. С. 304, вар. 80—80). Однако в окончательном варианте она опущена (ИР. II-2. С. 257, примеч. 573). Таким образом, мы имеем дело с еще одним случаем колебания Татищева относительно источника полученных им сведений. Не стоит, однако, преувеличивать значение этого и подобных ему фактов, которые, по справедливому замечанию В. А. Чемерицкого, объясняются «как богатством использованных им (Татищевым. — A. M.) источников, так и наличием одного и того же известия в разных рукописях».⁵⁹

Действительно, известия о взятии Константинополя крестоносцами в 1204 г. во время четвертого крестового похода восходят к оригинальному произведению древнерусской литературы — «Повести о взятии Царьграда фрягами», авторство которого иногда приписывается новгородскому паломнику Добрыне Ядрейковичу, ставшему впоследствии архиепископом Антонием. Эта Повесть сохранилась в составе большого числа древнерусских летописей XV—XVI вв., в том числе Новгородской 1, Софийской 1, Вологодско-Пермской, Воскресен-

⁵⁹ Чамярынкі В. Загадка Тацішчава. С. 17—18.

ской, Никоновской и др.⁶⁰ Убедившись в распространенности почерпнутых из «манускрипта» Еропкина известий, Татищев в окончательной редакции снял ссылку на него как на единственный источник, сохранивший Повесть о взятии Константинополя.

Небольшое количество и разобщенность известий, заимствованных из Полоцкой летописи, объясняются состоянием источника, недоступного Татищеву полностью, а представленного в виде отдельных, случайно сделанных выписок. Первое из приведенных известий, возможно, имелось также и в Смоленской летописи или каких-то иных выписках, полученных посредством Хрущева. Все три названных известия встречаются как в первой, так и во второй редакциях, где они подвергаются переработке, ведущей к значительному увеличению объема сообщения. Однако существенные дополнения, затрагивающие содержательную сторону сообщения, произошли только в первом случае, что, вероятно, и повлекло за собой изменение имени информатора.

Несмотря на высказываемые иногда в литературе сомнения насчет подлинности Полоцкой летописи и достоверности ее известий, убедительных аргументов по части возможной фальсификации не представлено. Наиболее сомнительное в данном смысле известие 1203 г. (так называемый «конституционный проект» Романа Мстиславича) не может скомпрометировать Полоцкой летописи, так как не имеет к ней никакого отношения. В пользу этого источника свидетельствует, в частности, то обстоятельство, что почерпнутые из него известия одновременно оказались в поле зрения Татищева и вошли в состав «Истории Российской» в результате непосредственного общения с Еропкиным и другими лицами из окружения Волынского, которые действительно обладали какими-то списками русских летописей. Колебания и противоречия Татищева в именах владельцев могут быть объяснены, исходя из пояснений, данных на сей счет самим же Татищевым, с учетом особенностей его работы с полученными от Еропкина и Хрущева источниками.

Еще три известия, связываемые с именем Еропкина, относятся к другому полученному от него источнику. Татищев называет его Степенной книгой Еропкина. Она, очевидно, не имела для историка такого значения, как Полоцкая летопись, и поэтому не была особо упомянута в главе, посвященной истории русского летописания, ссылки на нее сделаны в примечаниях ко второй части, как в первой, так и во второй редакциях.

Из Степенной книги Еропкина почерпнуты следующие известия: некоторые подробности убийства Андрея Боголюбского в сообщении 1175 г., рассказ о казни жены Боголюбского, виновницы его гибели (под 1176 г.), и помещенные под 1218 г. сведения о смерти великого князя Константина Всеялодовича.

С полным основанием к Степенной книге Еропкина можно отнести только первое известие, поскольку именно таким образом атрибутирует его сам Татищев в соответствующих примечаниях обеих редакций. Второе известие появляется лишь во второй редакции, а третье связывается с Еропкиным только в первой редакции (в последующем упоминание этого имени опущено, хотя само сообщение оставлено без изменений). Последние два известия атрибутированы Татищевым только по имени информатора, их связь со Степенной книгой специально не отмечена. Однако эти еропкинские известия не связаны ни с Полоцкой летописью, ни с какими-то другими источниками, полученными от Еропкина. В то же время есть основания считать, что все три названных сообщения

⁶⁰ См.: Творогов О. В. Повесть о взятии Царьграда фрягами // Словарь книжников. Вып. 1. С. 352—354; Клосс Б. М. Повесть о взятии крестоносцами Константинополя в 1204 году // Письменные памятники истории Древней Руси: Летописи. Повести. Хождения. Поучения. Жития. Поплания / Под ред. Я. Н. Щапова. СПб., 2003. С. 69—70.

имели общий источник. Об этом говорит их тематическая и хронологическая близость: все они повествуют о событиях во Владимиро-Сузdalской земле, происходивших в последней четверти XII—начале XIII в.

Степенная книга Еропкина по сравнению с Полоцкой летописью была, очевидно, памятником более позднего происхождения, значение которого в целом было не столь велико, что чувствуется по отношению к нему самого Татищева (не все известия этого источника историк посчитал нужным включить в первую редакцию, а во второй, расширенной, редакции не во всех случаях сохранил на него ссылки). Тем не менее Степенная книга Еропкина не была им полностью отвергнута, как это случилось с другим подобным источником, присланным П. И. Рычковым.⁶¹ Будучи произведением XVI, а возможно и XVII в., Степенная книга Еропкина могла отразить следы подлинного владимиро-суздальского летописания, опираясь на какой-то неизвестный ныне памятник, содержавший оригинальные сведения о владимирских великих князьях, отсутствующие в других источниках.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

- ИР. I — «История Российской». Часть I // Татищев В. Н. Собр. соч.: В 8 т. М., 1994. Т. 1.
- ИР. II-1 — «История Российской». Часть II (Вторая редакция). Главы I—18 // Там же. М., 1995. Т. 2.
- ИР. II-2 — «История Российской». Часть II (Вторая редакция). Главы 19—39 // Там же. М., 1995. Т. 3.
- ИР. ПР — «История Российской». Часть II (Первая редакция) // Там же. М., 1995. Т. 4.
- ИР. ВС — «История Российской». Воронцовский список II части (второй редакции) // Там же. Т. 3. Варианты к тексту «Истории Российской».
- ИР. ВСП — «История Российской». Воронцовский список примечаний ко II части (второй редакции) // Там же. Т. 3. Варианты к примечаниям.
- ИР. 1739 — «История Российской». Примечания ко II части редакции 1739 г. («Древних российских летописцев вторая часть») // Там же. М., 1996. Т. 7.
- ИР. 1774 — «История Российской». Часть II (Первое печатное издание 1774 г.) // Там же. Т. 3. Варианты к тексту «Истории Российской». Варианты к примечаниям.

⁶¹ В ответном письме Татищев сообщал, что полученная им рукопись «по Степенной сочинена, где только родословие наблюдалось, а истории все смешены». Цит. по: Клосс Б. М., Корецкий В. И. В. Н. Татищев и начало изучения русских летописей. С. 13.